

Северная Маньчжурия¹. Утро.

Над буро-красными скалами, короной охватившими горную долину, полоскался стяг чжурчжэньского² князя Агуды³. С его чёрного полотнища хищно скалилась искусно вышитая красная черепаха. Резкие порывы ветра заставляли тяжёлую ткань хлопать и перекатываться. Создавалось впечатление, что черепаха на полотнище оживает и, перебирая когтистыми лапами, бежит по чёрному полю флага.

Внизу, в широкой седловине, зажатой со всех сторон отвесными скалами, оцетинились копьями две непримиримые армии. Шестидесятитысячная орда кочевников Агуды и двухсоттысячная армия империи Сун⁴.

С высоты скал орда чжурчжэней походила на живое море. Матово блестели смазанные жиром, многослойные кожаные доспехи. Древки копий, для устрашения врага выкрашенных в чёрный цвет, грозно покачивались в такт движения тысяч степных коней.

Напротив, на расстоянии трёх ли⁵ выстроилась пехота их заклятого врага, императора Хуэй-цзуна⁶. В её тылу, на склоне высокого холма, играя золотом шёлковых флагов и ярких многоцветных бунчуков, расположилась Ставка императора.

Громадному полотнищу императорского флага не хватало ветра, и его растянули между двух шестов, демонстрируя врагам тотем властителя империи — огромного чёрного дракона на золотом поле, держащего в пасти красное солнце.

Хуэй-цзун развалился на мягких подушках походного трона и с мрачным удовлетворением обозревал место предстоящего сражения:

— Наконец-то с проклятыми варварами будет покончено!

Победа над чжурчжэнями давно стала целью всей его жизни. Весь последний год он гонялся за ордой Агуды от границ империи Ляо до кочевий тангутов.

¹ Маньчжурия — часть территории современного Китая, расположенная на его северо-востоке.

² Чжурчжэни — кочевники, населявшие северо-восток Китая до XIII века.

³ Агуда — военный вождь чжурчжэней.

⁴ Империя Сун — китайское государство, существовавшее с 960 по 1279 год н. э.

⁵ Ли — китайская единица измерения (500 м).

⁶ Хуэй-цзун — император династии Чжао Китайской империи Сун.

Устраивал хитроумные ловушки и засады, но каждый раз чжурчжэням удавалось избежать сражения. Их лёгкая конница тучей слепней кружила вокруг императорской армии и терзала её. Внезапно появляясь на вершинах холмов, она засыпала солдат Хуэй-цзуна стрелами и так же внезапно, а главное безнаказанно, исчезала. В погоне за неуловимым варваром императорским солдатам пришлось прошагать тысячи пыльных ли. Лица воинов стали чёрными от палящего солнца, красной пыли и степного ветра, но всё же им удалось вцепиться чжурчжэням в хвост.

Агуда, яростно отбиваясь от передовых отрядов армии императора, повернул в горы. Его войско несколько дней металось среди скал Станового хребта, пока не нашло закрытую горную долину и не укрылось в ней. Но долина оказалась ловушкой. Император был доволен.

Лазутчики доложили, что в западне оказались около шестидесяти тысяч чжурчжэньских всадников, а это шестьдесят тысяч боевых коней плюс заводные и обоз — итого около ста пятидесяти тысяч лошадей, и всем требовался корм. Хуэй-цзун решил не торопить события и оказался прав: всего за несколько дней вся трава в долине была съедена и вытоптана многотысячными табунами чжурчжэней.

— На голодных лошадях много не навоюешь, — злорадствовал император.

У армии Агуды оставалась единственная возможность избежать сражения — бросить лошадей и уйти в горы пешком. Но за долгие годы противостояния Хуэй-цзун хорошо выучил обычаи врага и знал, что кони для чжурчжэней не просто боевые товарищи, кони — их семья. Ни один чжурчжэнь никогда не бросит коня!

— На этот раз Агуда попался. Ему не избежать сражения. Он будет вынужден атаковать меня. Идти сила на силу. Главное, выдержать первый удар...

Потери будут немалыми, — вздохнул он, — особенно достанется первым шеренгам. Им придётся принять на себя всю таранную мощь копейного удара чжурчжэней. А я не понаслышке знаю, что это значит. Однако на победу я готов поставить всё, даже пожертвовать ветеранами. Да что там ветераны, ради разгрома Агуды я готов положить половину армии! Сегодня из этой

долины выйдет только один победитель! И этим победителем буду я — Владыка империи Сун! Император Хуэй-цзун! А армия? Если будет на то моя воля, уже через полгода под жёлтые императорские стяги соберётся две такие армии! Но это потом. Сейчас главное — выдержать первый удар.

Сегодня он решил применить новую тактику. Всю армию, даже вспомогательные войска, он построил единой фалангой. Узкая горловина долины позволяла полностью перекрыть её и увеличить количество боевых шеренг до семидесяти пяти.

С вершины холма императорская армия смотрелась несокрушимой. Впереди стояла его гордость и надежда — тяжеловооружённые пехотинцы в толстых кожаных доспехах, с длинными копьями и большими, почти в рост человека, щитами. Пехоту набирали только из опытных и обученных воинов-ветеранов. Не одна вражеская армия уже разбивалась об эту стену щитов и железной воли.

За копейщиками стояли новобранцы, вооружённые цепями и баграми.

— Эти, конечно, «по жиже», — скривился Хуэй-цзун, — но и задача у них, хоть и не завидная, однако проще. Своей массой они должны погасить инерцию варварской конницы. А с цепом и багром даже обычный крестьянин становится опасным противником.

По сути, боевой цеп — это небольшой чурбак, окованный железными полосами с острыми шипами, с помощью короткой цепи и кольца он крепился к деревянному древку. Хуэй-цзун лично опробовал цеп и убедился, что в умелых руках это страшное оружие. При попадании по всаднику или коню он наносил противнику тяжелейшие раны. А если таких ударов будет несколько и с разных сторон? Ну а багор — это то же копьё, только с крюком. Конечно, на открытом месте против кавалерии он бесполезен, но в тесноте сражения ему нет цены.

Стоило всаднику потерять скорость, как в борьбу вступал багор¹. Его наконечник наносил колющие раны, а крюк выдёргивал из седла. А дальше противника либо добивала пехота, либо затаптывала на смерть собственная лошадь.

За боевыми порядками новобранцев располагалась гвардия — элита и главный резерв императора: двадцать тысяч отборных, хорошо обученных и преданных воинов.

¹ Багор — оружие с древком в несколько метров, совмещающее функции копья и крюка.

— Главное, выдержать первый удар...

Фаланга¹ ошетилилась копьями и приготовилась отражать атаку. По долине разнёсся протяжный, вынимающий душу рёв сигнального рога. В ответ в порядках императорской пехоты загудели сигнальные дудки. Подчиняясь командам офицеров, копейщики с грохотом сомкнули щиты и воткнули торцы ратовиц в землю. Организованная слаженность ветеранов выглядела уверенно и грозно.

— Жаль, придётся пожертвовать этими славными воинами. А новобранцы? — Хуэй-цзун презрительно посмотрел на серую массу недавнего пополнения, — пока это просто мясо. Надеюсь, пример тяжёлой пехоты придаст им отваги. Не зря же офицеры день и ночь муштровали этих навозников.

Со своего далёкого наблюдательного пункта император не видел лиц новобранцев, и напрасно...

В их глазах метались неуверенность и страх. Вчерашние крестьяне перед лицом нештучной опасности заметно нервничали. Эта нервозность распространялась на соседние шеренги. Командиры искрились солёными шутками, цинично призывали к самопожертвованию во имя лучезарного императора, обещали богатые трофеи и обеспеченное будущее. Но все понимали, что бравада офицеров напускная и из этого сражения выйти живым удастся не многим.

С каждым ударом сердца приближалось начало битвы. То ли от жары, то ли от напряжения по запыленным лицам пехотинцев скатывались капли пота. Руки напряжённо сжимали шершавые древки оружия. Новобранцы тянули шеи, пытаясь разглядеть, что происходит впереди, но за потными спинами товарищей, кроме пыли, ничего не было видно. От этой тревожной неопределённости становилось ещё хуже. Страх так сдавил сердце, что оно бешено колотилось и, казалось, вот-вот выскочит из груди. Страх...

Страшней был только гнев императора. Проявленная в бою трусость каралась жестокой и неотвратимой смертью. Бывалые воины говорили, что в сражении можно выжить, а от гнева императора — не скрыться нигде.

¹ Фаланга — вид воинского построения сплошным фронтом в несколько шеренг. Обычное вооружение воинов фаланги — длинные копья и большие ростовые щиты. Для примера: греческие цари Филипп и Александр Македонские выстраивали свою пехоту именно фалангой. По тем временам только она была способна противостоять тяжёлой кавалерии противника.

Сигнал. Армия чжурчжэней пришла в движение. Вооружённые луками всадники нескончаемым потоком просачивались через порядки тяжёлой кавалерии и выстраивались впереди войска. Их было уже несколько тысяч, но они всё продолжали выезжать сквозь ряды тяжеловооружённых сородичей. Вновь раздался протяжный рёв сигнального рога, и лучники сорвались в атаку.

— Ху-урра!

Волчий вой накатывающей лавы пробирал до костей даже бывалых воинов. Топот тысяч копыт выбивал остатки воли. Лавина степняков перестроилась в колонну и понеслась вдоль строя императорской фаланги. Тугие степные луки дружно выпустили в небо мириады стрел. Их было так много, что небо потемнело. Забравшись на высоту, они описали дугу и, разгоняясь под тяжестью железных жал, устремились вниз.

Смертоносный дождь обрушился на армию Хуэй-цзуна. Широкие наконечники стрел с лёгкостью пробивали кожаные шлемы и доспехи императорской пехоты. Будто острые ножи, они рубили, рассекали и глубоко вонзались в незащищённые части тел, нанося ужасные раны. А чжурчжэни, сменяя друг друга, с невероятной скоростью продолжали опустошать саадаки¹.

В рядах императорской армии число убитых и раненых росло с каждой секундой и уже исчислялось сотнями. Пробитые стрелами плетёные щиты пехотинцев напоминали ежей, а лучники продолжали дикую скачку вдоль редющей фаланги. Отстрелявшись, они вываливались из строя и уносились к обозу. Но их место тут же занимали другие — смертельная карусель продолжалась.

Очередная волна чжурчжэней стала забрасывать императорских копейщиков не только стрелами, но и дротиками². Они насквозь пробивали громоздкие щиты и накрепко застреивали в них. Щиты стали невероятно тяжёлыми и неповоротливыми, но бросить или опустить их означало оказаться лёгкой добычей варварских арканов. При любой возможности они выдёргивали из строя опустивших щиты копейщиков и волокли их прочь.

¹ Саадак — колчан для стрел

² Дротик — короткое копье; часть его древка защищалась железом, чтобы в случае попадания его в щит щитоносец не мог дотянуться мечом до деревянной части дротика и обрубить его.

Одна колонна лучников сменяла другую, и императорским солдатам второго и последующих рядов теперь приходилось защищать щитами не только себя, но и стоящих впереди товарищей. Засвистели дудки, и фаланга дружно прикрылась щитами сверху, но стрелы всё равно находили своих жертв.

Особенно доставалось новобранцам. Оказавшись лицом к лицу с реальной угрозой, они совершенно забыли о том, как следует защищаться от стрел, падающих навесом.

Страшные раны товарищей вызывали ужас. Офицерам с большим трудом удавалось сдерживать панику, а стрелы все продолжали собирать кровавую жатву. Казалось, этому не будет конца...

В воздухе ещё шелестели стрелы, когда послышался мерный, набирающий скорость грохот тысяч копыт. Тяжёлая конница чжурчжэней начала разбег. Дружно опустились копыта. Солнце тысячами искрящихся бликов брызнуло с их трёхгранных боевых жал. Фаланга застыла. Монолитный строй всадников неумолимо приближался. Ожидание столкновения становилось невыносимым. Воздух вибрировал от напряжения. До сшибки оставался миг.

Таранный удар тяжёлой конницы был страшен. Треск ломаемых копий и щитов, хруст костей, крики боли и ненависти, стоны умирающих и раненых слились в сплошной рёв. Чжурчжэни смяли первые шеренги императорского войска. Опрокинутые тела копейщиков и выбитые из седел варвары валились под копыта лошадей, где тут же превращались в кровавое месиво. Потери с обеих сторон были ужасающими.

Но фаланга устояла. Опытные ветераны быстро и слаженно занимали места погибших. Пытаясь восстановить строй, они безжалостно топтали тела упавших на землю товарищей, вбивая их в красную маньчжурскую пыль.

Началась яростная схватка. Варвары, демонстрируя чудеса беспримерной храбрости, вламывались в ряды копейщиков, пробивали бреши и рубились до последнего.

Но первый страх перед таранным ударом прошёл. Опытные пехотинцы слаженно сдёргивали смельчаков с коней и восстанавливали строй. Из тел убитых людей и коней образовались завалы. Сохранять строй в такой обстановке становилось всё труднее.

В монолите фаланги появились многочисленные бреши. Этим немедленно воспользовались чжурчжэни: не считаясь

с собственными потерями, они усилили натиск и глубоко вклинились в порядки императорской пехоты.

Чтобы выровнять строй, фаланга отступила, оставив часть копейщиков сдерживать атаку варваров. Это помогло ей сомкнуть ряды и восстановить нарушенный строй. Пожертвовав третью ветеранов, фаланга вновь стала неприступной.

С брошенными копейщиками было хуже. Сдерживая яростный напор чжурчжэней, несколько тысяч оказались в окружении. Заняв круговую оборону, они отчаянно отбивались от осатаневших от крови варваров. Чжурчжэни накатывались волна за волной, но толчея сражения и нехватка места для разгона не позволяла им применить излюбленную тактику — таран.

Ветераны оттянули на себя противника и дали императорской войску время перегруппироваться, но силы были не беспредельны. Их командиры понимали, что в таком темпе боя долго не продержаться, и решили пробиваться к фаланге. Медленно, шаг за шагом, ветераны начали отступать.

Но варвары не желали отпускать добычу. Вызвав лучников, они стали расстреливать отступающих, в первую очередь выбивая тех, кто был вооружён копьями. Ситуация стала угрожающей. К счастью ветеранов, стрелы у чжурчжэней закончились, и они унеслись к обозу пополнять запасы. Их место заняли тяжелооружённые всадники. Прозвучал сигнал рога, и конница пошла в атаку..

Ещё после первой сшибки многие из окружённых хуэйцзунцев лишились копий, а тех, у кого они остались, выбили лучники. Против копий и длинных чжурчжэньских мечей пехотинцам пришлось обороняться тесаками. Варвары поняли, что в схватке наступает перелом, и яростно набросились на практически беззащитных хуэйцзунцев.

Началась бойня. Ветераны отчаянно сопротивлялись, но их порядки были разорваны и смяты. Конное море степняков обтекало очаги сопротивления и рубило, рубило...Тот десяток минут, что окружённые копейщики подарили своим товарищам, позволил императорской армии справиться с последствиями таранного удара. Оставшиеся ветераны сменили истерзанные шеренги, и фаланга, прикрывшись щитами, двинулась вперёд. Увязшие в сражении чжурчжэни оказались зажаты между напи-

рающими сзади соплеменниками и монолитом наступающей пехоты противника. Длинные копья хуэйцзунцев пробивали доспехи, вышибали из сёдел и калечили лошадей. Всадников кололи и резали со всех сторон. Императорская пехота медленно, но неумолимо перемалывала застрявшую конницу.

Сражение переросло в фазу отчаянной драки по всему фронту. Варвары утратили своё главное преимущество — манёвренность, и теперь им приходилось на равных рубиться с хорошо защищённым и умелым противником. Злость, ярость и отчаянное желание отомстить за растерзанных товарищей гнали ветеранов вперёд. Шаг за шагом они теснили чжурчжэней, кололи через спины товарищей, нанося удары куда попало: не важно, в лошадь или всадника. Варвары из сёдел прыгали в плотный строй пехотинцев и рубились до последнего вздоха, но численный перевес начал сказываться.

Чжурчжэни отчаянно оборонялись, но безнадежно застряли, неся огромные потери. Почти треть их оказалась под угрозой полного окружения.

Уничтожение крупной группировки противника открывало императору возможность не только обескровить чжурчжэней, но и нанести смертельный удар во фланг их армии.

Сражение вступило в решающую фазу. Обстановка требовала развивать успех, и Хуэй-цзун решил бросить в бой гвардию. Грохот битвы и стена поднятой пыли позволяли ему незаметно перебросить гвардейцев в тыл зажатой группировки противника. Он приказал снять заслон за спинами новобранцев и обхватить правый фланг армии чжурчжэней. Теперь только чудо могло спасти Агуду от разгрома.

Андрей, командир засадного войска чжурчжэней, внимательно наблюдал за сражением. Время от времени он поглядывал на высокую гору в тылу армии Агуды. Вот на её вершине что-то блеснуло, а затем три раза с равными промежутками ослепительно ярко сверкнул луч, отражённый от большого бронзового зеркала.

— Сигнал атаки! Наконец-то! — облегчённо выдохнул он и бросил тренированное тело в седло. — По коням!

Десять тысяч всадников, как единый организм, взметнулись в сёдла.

— За мной! В колонну по четыре! Марш!

Хитрец Агуда давно присмотрел эту долину. Понимая, что численный перевес армии Хуэй-цзуна оставляет чжурчжэням мало шансов на победу, он решил заманить китайскую армию в ловушку. Почти месяц он изматывал противника мелкими стычками и тащил войска Хуэй-цзуна вглубь Станового хребта. Со стороны казалось, что его армия, уклоняясь от сражения, отступает. На самом деле он сознательно позволял императору теснить себя в горы. Когда Агуде донесли, что имперская разведка побывала в горной долине, он всячески стал помогать Хуэй-цзуну и направил своё войско в приготовленную ловушку.

Император не догадывался, что хитрый чжурчжэнь сам выбрал место будущего сражения и уже организовал его армии коварный сюрприз. Десятитысячный отряд отборных всадников укрылся в узкой лощине, вход в которую скрывали красно-бурые скалы. Хуэй-цзун попался на уловку. Получив донесение лазутчиков, что чжурчжэни уходят в горы, он приказал атаковать противника и на его плечах ворвался в долину.

Осталось запечатать единственный выход из природной ловушки. У Агуды не осталось выбора: выйти из долины он мог, только приняв сражение, в исходе которого император не сомневался. В пылу погони Хуэй-цзун не обратил внимания на опасные скалы, оставшиеся в тылу его войск...

Далеко в тылу китайской армии, из узкого прохода между скал в долину выползала колонна засадного войска чжурчжэней. Вырвавшись из узкой лощины, оно разделилось на три отряда. Первый состоял из тысячи конных лучников. Они привязали к хвостам лошадей мётлы из веток и атаковали тыл правого фланга противника. Стена красной пыли, поднятая мётлами, скрывала истинное количество атакующих, создавая ощущение, что их тысячи. Чжурчжэни, пользуясь этим, устроили карусель, безнаказанно расстреливая спины китайских копейщиков. Лучники сменяли опустевшие саадаки один за другим, и за несколько минут от монолитности правого фланга китайской фаланги не осталось и следа. Ветераны, с трудом оправившиеся от таранного удара конницы, теперь несли потери от стрел, летящих в спины. Строй нарушился. Этим воспользовались увязшие в порядках императорской пехоты чжурчжэни, и оторвавшись от копейщиков, откатились назад. Пока лучники избивали фалангу, их тяжеловооружённые соплеменники

перегруппировались и атаковали изрядно потрепанные и по-редевшие шеренги противника. На этот раз они с лёгкостью разорвали строй копейщиков и, как стая волков, начали терзать и крушить всё вокруг.

Второй отряд, численностью в две тысячи всадников, отделился от основной массы засадного отряда и с жутким воем понёсся за спинами оставшихся без прикрытия хуэйцзунских новобранцев. Чжурчжэни на полном скаку кололи и рубили, сея панику и неразбериху.

Задачу третьего, основного отряда, полученную перед сражением, Андрей решил несколько изменить, внося в план Агуды собственные коррективы.

Вместо удара в центр он решил уничтожить основную и самую опасную часть китайского войска — императорскую гвардию. Этот отряд состоял только из тяжеловооружённых всадников, а противодействия набравшей разгон кавалерии практически не существовало.

Хуэй-цзун, отдав приказ гвардии о переброске, невольно подставил их под удар конницы Андрея. Такого подарка упускать было нельзя. Ничего не подозревающие гвардейцы, построившись в походные порядки, ещё бежали на охват противника, когда за их спиной вырос семитысячный кулак тяжёлой конницы чжурчжэней.

В считанные минуты цвет хуэйцзунской армии был сметён и растоптан. Не давая китайцам опомниться, Андрей развернул свой отряд и нанёс сокрушительный удар в тыл левого фланга противника. Он легко проломил ряды новобранцев и, оставляя за собой широкую просеку из трупов, прошёл по их тылам. Китайцы, спасаясь, смяли соседние шеренги и бросились в стороны. Хаос и неразбериха, устроенные отрядом Андрея, произвела и эффект разорвавшейся бомбы. Перепуганные новобранцы, не понимая, что происходит в их тылу, сломали строй и замесались. Кругом слышались крики: «Мы окружены! Спасайтесь!»

Офицеры мечом, матом и зуботычинами наводили порядок, но монолит фаланги уже нарушился. Ветераны ослабили напор, и почти обречённый правый фланг чжурчжэней вырвался из свалки. Сохранившие копыта всадники перегруппировались, построились двумя клиньями и, разогнав коней, нанесли удар по противнику. Китайская фаланга раскололась на три части.

Правый фланг был оторван от центра, но сохранил строй, а левый — рассыпался на отдельные очаги сопротивления.

Китайская армия отчаянно сражалась. Оправившись от удара в спину, офицеры центра императорского войска храбростью и мечом собрали и сплотили вокруг себя остатки ещё многочисленного войска. Центральная часть фаланги свернулась в гигантский полукруг и, оцетинившись копьями, стала отступать к оторванному от общего строя и избиваемому лучниками Андрея правому флангу.

В случае их объединения армия императора вновь могла стать силой, способной переломить ход сражения. Но такой манёвр обрекал разгромленный и разрываемый на куски левый фланг армии на полное уничтожение.

Видя, что центр и правый фланг императорской армии могут объединиться, Андрей вывел своих чжурчжэней из боя. Оглядел значительно поредевший отряд и смахнул с лица пот. Затем качнулся вниз, подхватил с земли брошенное копьё и высоко поднял его над собой:

— Копья!

Бойцы отряда стали подбирать с поля боя брошенные копья. Убедившись, что большая часть отряда вооружена, он зычно скомандовал:

— Клин! — и, толкнув пятками коня, двинулся вперёд.

Подчиняясь команде вождя, чжурчжэни устремились за ним. Андрей нацелился на изрядно потрёпанный тыл центра хуэйцзунского войска и стал разгоняться. Его боевой клин легко вскрыл оборону новобранцев и, ворвавшись внутрь фаланги, почти насквозь проломил её.

Закипела отчаянная схватка. Сбив в сторону нацеленное в него копьё, Андрей обрушил меч на голову ближайшего пехотинца. Копейщик скривился от боли и повалился на землю. Андрей бросил коня в образовавшуюся брешь и раскроил морщинистое лицо китайца, который был справа. Навстречу летело жало багра, и, увернувшись от стального крюка, он рубанул открывшегося пехотинца сверху вниз. Кровь фонтаном брызнула из разрубленной шеи.

Справа и слева мелькали клинки, жала копий, крюки. Вокруг слышались ругательства и крики атакующих, стоны боли и хрипы умирающих.

Почувствовав за спиной движение, Андрей пригнулся, и копьё пронзило пустоту. Качнувшись в сторону напавшего, он толкнул меч вдоль древка копья и срезал с него пальцы. Однако в этот момент его уже атаковали двое других. Он откинулся назад, и над ним пролетели жала копий, после чего Андрей тут же бросил тело вверх. Первый из нападавших не ожидал от всадника такой прыти и не успел отдёргнуть копьё. Андрей рассёк ему плечо вместе с ключицей и перехватил орудие. Чжурчжэнь, скакавший за ним, бросил коня на второго копейщика. Тот не успел закрыться, и срубленная часть его черепа вместе с кожаным шлемом, кувыркаясь, отлетела в сторону. Андрей нанёс копьём несколько ударов в противника. Копьё застряло — пришлось оставить его. От мелькания клинков и копий рябило в глазах. Уходя от нацеленного в него багра, Андрей бросил лошадь в сторону. Обученный конь, побывавший во многих сражениях, сам был оружием. Сбив грудью китайца, он встал на дыбы. Пехотинец выронил оружие и опрокинулся на землю. Конское копыто обрушилось на него сверху, и голова несчастного лопнула, как арбуз. Жеребец вошёл в раж и хватил зубами следующего хуэйцзунца, тот отчаянно заверещал и, выронив оружие, схватился за плечо. Кто-то из толпы ткнул коня багром. Он заржал и взвился на дыбы. От этого скачка Андрей чудом удержался в седле и с досадой дал шенкелей. Конь прыгнул вперёд и вынес его в гущу солдат с цепями. Китайцы от неожиданности шаркнулись в стороны.

—Ху-у-ура! — и Андрей бросил коня на испуганных пехотинцев. Краем глаза он заметил, что рядом с ним справа и слева в ряды новобранцев вломились ещё с десятков его чжурчжэней. Вчерашние крестьяне тщетно пытались противостоять матерым воинам. А те, опьяневшие от крови и ярости, как стая волков, ворвавшихся в стадо овец, беспощадно рубили и резали растерявшихся китайцев десятками. Страшные всадники навели мистический ужас своим волчьим воем «ху-у-ура», окончательно подавляя волю к сопротивлению.

Казалось, что уже никто и ничто не может остановить эту бойню. Ещё недавно стройные ряды императорского войска дрогнули и, смятая отчаянно сражающихся ветеранов, брызнули в стороны. Приказы командиров тонули в криках боли и отчаяния.

Воспользовавшись образовавшейся свалкой, Андрей развернул отряд и атаковал спины китайских ветеранов. В строю хуэйцзунцев открылась широкая брешь. В неё тут же ринулись чжурчжэни отрядов, наступавших с фронта. Разъярённые варвары кололи, рубили, сбивали с ног и топтали копытами коней обезумевших от страха пехотинцев.

Один из чжурчжэньских вождей увидел, что отряду Андрея удалось разорвать порядки императорского войска, и бросился за ним. Его тяжёлая кавалерия проскочила пробитый Андреем проход, развернулась и пошла по тылам ветеранов. Обороняться на два фронта копейщики не могли. Оставшиеся в живых бросили копья и, мешаясь с новобранцами, ринулись кто куда. В рядах китайской армии воцарился хаос.

— Пора! — Агуда бросил в бой последний резерв.

Несколько тысяч тяжеловооружённых всадников обрушились на ещё многочисленную, но уже морально раздавленную армию Хуэй-цзуна. Из тысяч китайских глоток вырвался крик отчаяния.

Смерть... безразличная, жадная, смердящая кровью и испражнениями, неумолимая и ненасытная.

Страх... Чавкающие звуки пробиваемых доспехов и предсмертные хрипы умирающих отнимали волю к сопротивлению.

Паника... Бежать, спрятаться, укрыться.

Обезумевшая толпа, бывшая когда-то китайской императорской армией, отступала...

Г Л А В А 2

— Капитан, проснись! Приехали!

Андрей тряхнул головой, пытаясь избавиться от преследующих его сновидений. Уже несколько лет подряд ему снился сон, в котором он яростно сражается с армией китайского императора. Найти связь между собой, древним Китаем и чжурчжэня-